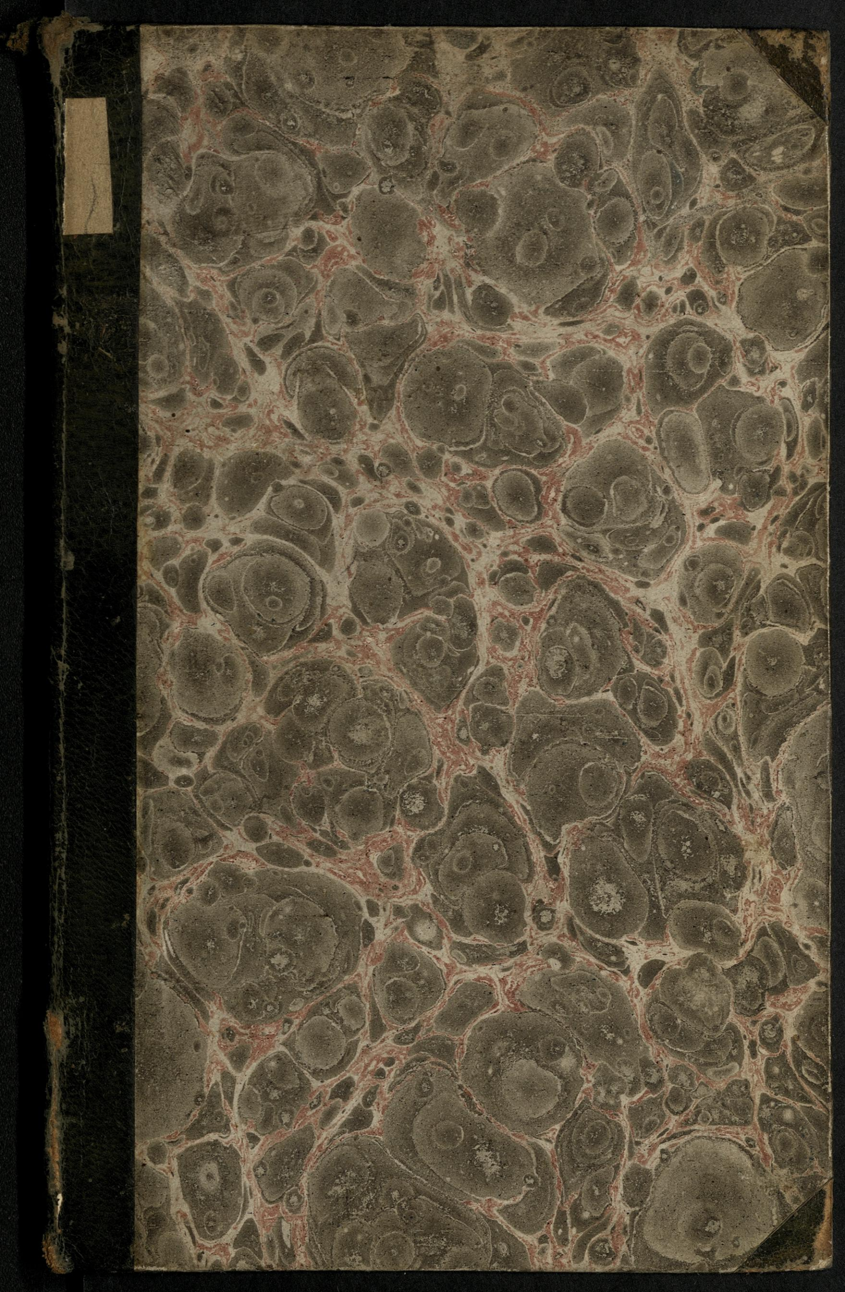

Данталь, Шарль

№17

ИПАРХІЯ
И
КРАТЕСЪ,

ФИЛОСОФИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ,

Переведенная съ Греческой рукописи

Потсдамскимъ жителемъ.

Съ Французскаго на россійской языкъ перевелъ

Иванъ Бѣляевъ.

Съ Указнаго дозволенія.

Печатано въ Москвѣ у содержателя Типографіи Ф. Гиппіуса 1789 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ
къ
Читателю.

Имя Кратеса довольно извѣстно — Онъ былъ строгій последователь Зеноновой секты — Иппархія, дочь одного знатнаго человѣка, славящаяся красотою своею, не смотря на бѣдность и безобразіе Философа, влюбилась въ него, и чрезъ мудрыя его наставленія учинилась славною своего времени Философкою — Вотъ содержаніе сего малаго романа! — Читатель не долженъ опасаться найти въ немъ любовь развратную, рыцарскія приключенія, препятствія, раздражающія сердца героевъ романа; въ немъ по всюду смѣшана любовь Философическая съ нѣжностьми и препятствіями добродѣтели.

Переводившій.

ИПАРХІЯ
И
КРАТЕСЪ.

Кратесъ былъ ученикъ перваго изъ Киниковъ; онъ не столь далеко простирался въ начальныхъ своихъ правилахъ, какъ учитель его; не поставлялъ въ томъ премудрость, чтобъ заниматься всемъ, но въ томъ, чтобъ умѣть довольствоваться малымъ. Болѣе стараясь о истребленіи своихъ страстей, нежели нуждъ, господствовалъ онъ

 ра-

равно какъ надъ тѣми, такъ и надъ другими; и сїе есть, безъ сомнѣнїя, границы премудрости. Кто переходитъ ихъ, тотъ безуменъ; и въ наши времена, гдѣ нравоученїе, кажется, не можетъ далѣе простираться (я здѣсь разумѣю одну его теорїю), Дїогены и Пирроники скорѣе бы были поселены въ Бедламъ (*), нежели въ наши Академїи.

Кратесъ, будучи безъ заботъ и безъ нуждъ, наслаждался спокойно самимъ собою. Плодоноснѣйшїя Беотїйскїя поля не приносили ему столько увеселенїя, какъ уединенїе. Соломенная кро-

(*) Бедламъ есть славной домъ сумасшедшихъ въ Англїи, многолюднѣйшей изъ всей Европы.

Примѣчанїе издателя.

кровля защищала его отъ непостоянства времени; садъ, состоящїй изъ фиговыхъ деревъ, овощей и цвѣтовъ, удовлетворялъ какъ нуждамъ его, такъ и забавамъ; нужное и прїятное находились въ немъ къ составленїю счастїя невинной жизни мудреца. Кристальной ручей выходящїй изъ чистаго источника утолялъ его жажду, и его стремящаяся волна, протекая безъ искуства между деревъ и цвѣтовъ, соединяла растительную свою силу съ силою дневнаго свѣтила. Берега его покрытые свѣжимъ дерномъ подъ многолиственными вѣтвями составляли прїятное убѣжище отъ полуденнаго жара. Въ семъ-то мѣстѣ Кратесъ, углубляясь въ размышленїе, испытывалъ природу и свое сердце. Изъ сего-то мѣ-

 ста

ста взиралъ онъ съ соболѣзнованіемъ на человѣковъ, которые, будучи въ состояніи быть счастливыми малымъ, столь дорого покупаютъ мучащія ихъ заботы.

Онъ жилъ, удалившись въ окрестныя мѣста города Ѳивъ, бывшаго ему отечествомъ; и будучи обезопасенъ въ своемъ убѣжищѣ отъ пороковъ града, вздыхалъ о нихъ, не страшася ихъ. Зависть и любочестіе, сіи тираны безумныхъ, представлялись ему страшными чудовищами. Довольствуясь быть ни отъ кого незнаемымъ, почиталъ онъ суетность, заставлять другихъ говорить о себѣ, такимъ безуміемъ, которое никакъ не можетъ сравниться съ точными выгодами истиннаго мудреца.

Но

Но любовь, сей врагъ философіи, могла ли безъ гнѣва смотрѣть на счастливое спокойствіе такого сердца, коего безпристрастіе не уважало стрѣлъ ея? Одна только премудрость снискала право нравиться Кратесу, и любовь избрала Ипархію для сдѣланія надежнѣйшимъ торжество свое. Сія красавица служила украшеніемъ Ѳивамъ, гдѣ отецъ ея Тимантъ поселился съ своими сокровищами (*). Склоно-

(*) Фамилія Ипархіи вела свое начало изъ Ѳракіи. Сія красавица въ Аѳинахъ узнала Кратеса, но близость дѣлъ и развязка ихъ принудили меня представить сіе дѣйствіе близъ Ѳивъ.
Ипархія заслуживаетъ наименованіе знаменитой чрезъ философическія сочиненія, которыя не дошли до насъ. Она была богата и весьма прекрасна,

ность ея къ наукамъ, и отвращенїе отъ всѣхъ пустыхъ вещей, служащихъ пищею обыкновенной суетности ея пола, предвозвѣщали, что она будетъ нѣкогда изъ тѣхъ рѣдкихъ особъ, которыя кажутся изключены изъ природы ея пола. Будучи безпристрастна и свободна среди толпы ревностныхъ обожателей, презирала она вѣтреность однихъ, смѣялась надъ суетностїю другихъ, и съ постоянствомъ отвергала всѣхъ; од-

сна, а Кратесъ былъ бѣденъ и горбатъ; однако въ противность сему великому различїю и противъ воли самаго Кратеса, она захотѣла быть, и была его женою. Таковое есть содержанїе сего малаго Романа, коего цѣль состоитъ въ томъ, чтобъ показать преимущество и торжество прекраснаго пола надъ строжайшею философїею.

одни душевныя очи долженствовали имѣть первенство въ ея выборѣ.

Слава, которая вездѣ разглашала достоинство Кратеса, не взирая на безпристрастность сего мудреца ко всему тому, что называютъ похвалою, произвела ревнованіе въ Иппархіи. Она вознамѣрилась итти на слушаніе его наставленій. Но какой видъ можетъ согласить Философа, натурально остерегающагося всѣхъ опасностей, угрожающихъ любезной его свободѣ, принять ученика такого рода, и какъ примирить сей поступокъ съ тѣми предразсудками, которые не различествуютъ въ добродѣтели, составляющей ихъ сущность, отъ той причины, какую налагаетъ наше мнѣніе?

Всѣ

Всѣ сїи препятствїя не останавливали, но еще болѣе убѣждали ее; въ честь нашему полу, скромное переодѣванїе похитило отъ нее тѣ прелести, при воззрѣнїи на которыя самый Наркиссъ забылъ бы свой образъ; и въ то время, какъ почитали ее предавшеюся прїятностямъ сна, предупредила она приходъ зари, и подъ одеждою и именемъ Клеанта достигла жилища Кратесова.

Сей Философъ, сидя подъ густыми деревьями и наслаждаяся пѣнїемъ множества птицъ, былъ погруженъ въ прїятное размышленїе, какъ вдругъ увидѣвъ молодаго человѣка идущаго къ нему въ задумчивости,, „послушай, ты, задумчивой чело-„вѣкъ, сказалъ Кратесъ лож-„ному

„ному Клеанту, берегись разго„варивать съ злымъ человѣ„комъ„. Ипархїя возводитъ глаза, и видитъ малорослаго уродливаго человѣка, котораго хуже природа болѣе на свѣтѣ не производила. Она не могла въ немъ признать искомаго ею мудреца; воображенїе ея начертывало ей на лицѣ его всѣ пропатательныя прелести; она еще не размышляла о непостоянной враждѣ, въ которой притворная природа такъ часто бываетъ въ украшенїи душъ и тѣлесъ.

Занята будучи, спрашиваетъ она о Кратесѣ у самаго его. „Для чего, отвѣчалъ онъ ей, „спрашиваешь ты о такомъ че„ловѣкѣ, которой ни объ комъ не „спрашиваетъ? Самъ Кратесъ съ „тобой говоритъ, что тебѣ хо-

„чется

„чется ему сказать?„ Клеантъ будучи удивленъ замолчалъ на минуту, пришелъ въ стыдъ отъ того, что разсуждалъ такъ, какъ разсуждаютъ дураки, о человѣкѣ по одеждѣ.„ Ты со-„вѣтовалъ мнѣ не разговаривать „съ злымъ человѣкомъ, сказалъ „онъ; и такъ, Кратесъ, позволь, „чтобъ я для избѣжанія сей опас-„ности, разговаривалъ съ то-„бою„---„ Ты пришелъ изъ го-„рода, отвѣчаетъ Кратесъ съ „улыбкою; сей пріятной голосъ „и сія лестная рѣчь увѣдом-„ляютъ меня о томъ; проходи „мимо, и оставь Кратеса съ „Кратесомъ въ спокойствіи„. Клеантъ будучи смущенъ опять симъ отвѣтомъ, не принялъ обвиненіе оскорбляющее его чувствованія„ Правда, я иду изъ „города, отвѣчалъ онъ, но не

„съ

„съ тѣмъ, чтобъ принесть сюда „притворство; я напротивъ „того отъ него убѣгаю; и въ „какомъ иномъ мѣстѣ могу из-„бѣжать его, какъ не въ оби-„талищѣ мудраго?----

„Неразумный юноша! гово-„ритъ Кратесъ съ суровымъ „видомъ, что ты говоришь объ „мудрецѣ, сказавъ, что ты „не льстишь? Естьли ты ищешь „мудреца, поди прочь, говорю „тебѣ, и ищи въ неизвѣстномъ „свѣтѣ.„

Столь жестокой прїемъ не соотвѣтствовалъ духу нѣжной Ипархїи, и досада исторгла изъ нея сей отвѣтъ:„ Скажи мнѣ, „Кратесъ, прежде нашей разлу-„ки, скажи мнѣ, по какимъ чер-„тамъ могу я узнать того му-

„дреца,

„дреца, котораго ищу, и кото-
„раго ты совѣтуешь искать
„въ неизвѣстномъ свѣтѣ? Не
„ужъ ли онъ какое нибудь сви-
„рѣпое существо, живущее для
„себя одного? Не ужъ ли онъ
„своенравный и грубый, кото-
„рый могши просвѣщать людей,
„почитаетъ за удовольствіе
„удалять отъ нихъ свѣтиль-
„никъ на край бездны?„

По сихъ словахъ Кратесъ смотритъ со вниманіемъ на Клеанта, встаетъ и взявши его за руку„ юноша, сказалъ онъ ему,
„кто бы ты ни былъ, ты болѣе
„научилъ меня въ одно мгно-
„веніе ока должностямъ мудре-
„ца, нежели всѣ наставленія
„моего учителя Діогена. Такъ,
„мудрецъ долженъ служить
„роду человѣческому, какъ
„зря-

„зрячїй слѣпымъ, а лекарь боль-
„нымъ; я въ томъ съ тобой
„согласенъ; продолжай, Кратесъ
„будетъ самъ твой ученикъ.„---.
„Нѣтъ, Клеантъ хочетъ быть
„твоимъ, отвѣчала Ипархїя,
„радуясь о успѣхѣ, котораго
„она больше не надѣялась; одна
„любовь къ премудрости при-
„вела меня къ тебѣ; поспѣше-
„ствуй мнѣ совершить столь
„возвышенный путь, коего про-
„странство объемлетъ жела-
„тельная душа моя.„ Кратесъ
улыбается, и потрепавъ его нѣж-
„но по плечу.„ Прекрасной
„Адонисъ! сказалъ онъ ему, ты
„съ сими нѣжными рѣчьми хо-
„чешь итти въ столь простран-
„ной и столь трудный путь?
„Ты хочешь совершить теченїе,
„въ которомъ наши учители до
„сихъ поръ заблуждались? Ска-

„жи мнѣ, не сіи ли большія ис-
„полненныя томности глаза, не
„сей ли легкой и тонкой станъ,
„не сей ли лилейной цвѣтъ, и не
„сей ли жемчугъ, увѣнчавающій
„длинные твои волосы, долженъ
„я принять свидѣтелями при
„вступленіи твоемъ въ знаніе
„философа? Поди лутче, наслаж-
„дайся любовными объятіями,
„для которыхъ природа соблаго-
„волила создать тебя. Повѣрь
„мнѣ, премудрость будетъ къ
„тебѣ очень строгою Богинею.„

Клеантовъ отвѣтъ состоялъ въ томъ, что онъ сорвалъ тще-тныя украшенія съ головы, и бросилъ ихъ съ презрѣніемъ.

„Сей восторгъ не есть счас-
„тливое расположеніе къ спо-
„койствію души мудраго, про-
должалъ

„должалъ Кратесъ, смотрѣвъ на „него съ улыбкою; но въ доброй „часъ, ты ужъ исправился отъ „суетности, она всегда бываетъ „препятствіемъ. Посмотримъ, „естьли можемъ мы такъ легко „побѣдить и то, что твоя жи- „вость, кажется, противуполага- „етъ твоему благорасположенію. „Это, можетъ быть, непре- „одолимѣе всего.„---„Совершен- „ный возрастъ довершитъ все, „отвѣтствуетъ Клеантъ,--- „Очень хорошо, говоритъ Кра- „тесъ, премудрость ни мало не- „будетъ тебѣ стоить, естьли „ты надѣешься, что можно те- „бѣ покорить свои страсти; но „вѣдай, что философія, не умѣ- „ющая ни сражаться, ни побѣж- „дать, не заслуживаетъ имя пре- „мудрости, и что безсиліе быть „мудрымъ есть физической по- „рокъ, а не нравственной.

Сей первой разговоръ былъ только о затрудненіяхъ окружающихъ премудрость. Клеантъ забылъ бы и время, естьли бы Кратесъ не увидѣлъ по высотѣ солнца, что уже часъ обѣда приходитъ. Онъ просилъ новаго своего ученика садиться съ собою за столъ. Винныя ягоды и финики составляли весь его обѣдъ; но Клеантъ, пробывъ уже столь много времени, что отецъ его могъ примѣтить его отсутствіе, простился съ философомъ, которой позволилъ ему охотно приходить опять, когда ему заблагоразсудится.

Кратесъ сожалѣлъ о молодомъ своемъ ученикѣ, котораго безполезныя должности удерживали въ своемъ рабствѣ, въ то время, какъ сидя на берегу своего ру-

ручья подъ деревами, обремененными вкусными плодами, поздравлялъ себя съ своею свободою, удовлетворяя съ прїятностїю и безъ расточительности первой естественной нуждѣ.

Ипархїя съ своей стороны завидовала счастливой независимости Кратеса; ей было нужно собраться съ силою, дабы разобрать хаосъ новыхъ своихъ мыслей. Притворная болѣзнь запретила ей въ сей день появиться къ столу ея отца, гдѣ толпа корыстолюбивыхъ льстецовъ безпрестанно ее обезпокоивала. Кратесъ тщетно устрашалъ ее препятствїями; любовь ея къ философїи живѣе отъ того учинилась. Кратесъ уже не былъ больше въ глазахъ ея такимъ человѣкомъ, котораго видъ спер-

ва устрашалъ ее. Одна душа привлекала къ себѣ ея взоры, и тѣлесные Кратесовы недостатки совсѣмъ изчезли. Первыя ея мысли о сообществѣ мудраго возродились съ большею силою, и самый ея разсудокъ въ тайнѣ прїуготовлялъ побѣду надъ ея сердцемъ. Размышленїя ея были прерваны приходомъ прекраснѣйшаго изъ ея обожателей, коего приближенїе возвѣщено было шумомъ многочисленной толпы провожающихъ невольниковъ, и множествомъ проницательныхъ благовонїй. Ипархїя немедлѣнно удалилась въ ближнюю комнату, и приказала Миртиллѣ, къ которой изъ всѣхъ служанокъ имѣла она довѣренность, отказать сему докучному человѣку.

Меж-

Между тѣмъ Полемонъ, облокотившись на своего любимаго слугу, входитъ и удивляется, не видя бѣгущей къ нему на встрѣчу Ипархіи. „ Гдѣ она можетъ быть во время моего „прихода; развѣ она не знаетъ, „что отецъ ея выбралъ меня „изъ двацати знаменитыхъ „особъ ей супругомъ?„

Полемонъ мечется, выходитъ изъ терпѣнія, соболѣзнуетъ о потерѣ времени. Двацать женщинъ ждутъ его. „ Но для „чегожъ она мнѣ не кажется?„--- „Для того, что она заблагоразсу„дила отъ васъ удалиться, отвѣ„чаетъ ему чистосердечная Мир„тилла.---Отъ меня удалиться? „вскричалъ онъ съ громкимъ „смѣхомъ, отъ меня бѣгать, „отъ меня? Какая выдумка! А!

,,я вижу, что ето значитъ, твоя ,,госпожа нерадѣла о своихъ прелестяхъ; она чуствуетъ нужду поберечь всѣ свои преимущества; выведи меня скорѣе ,,изъ смертельнаго безпокойства, продолжаетъ онъ, потрепавъ ,,нѣжно Миртиллу по щекѣ; кажется мнѣ, что отецъ ея ,,Тимантъ говорилъ мнѣ, что ,,она не здорова. Сдѣлай милость, не ослабляй нѣжнаго ,,моего участія въ сей прелестной больной---,, Потомъ не ожидая отвѣта, дѣлаетъ онъ другъ за другомъ сто вѣтреныхъ вопросовъ. Миртилла желаетъ отвѣчать въ свою очередь, но онъ, отвернувшись отъ нее съ пріятностію, обращается къ своимъ невольникамъ, спрашиваетъ ихъ о своемъ уборѣ и видѣ, и напѣваетъ трогательную

тельную пѣсенку изъ стихотворенiй Сафо, прохаживаясь по комнатѣ.

Миртилла, вышедши изъ терпѣнiя, наконецъ принуждена кричать, чтобы быть слышимой, и объявивъ ему, что видъ петиметра противенъ ея госпожѣ, удалилась. Полемонъ будучи съ лишкомъ увѣренъ о своихъ достоинствахъ, думаетъ, что Тимантова дочь хочетъ казаться сердитой; потому что онъ цѣлые три дни имѣлъ жестокость не посѣтить ее; но какъ можно раздѣлиться между столь многими достойными зависти красотами? По семъ изчисляетъ онъ всѣхъ Ѳивскихъ женщинъ, похищающихъ его вольность, и жалуется на ихъ привязанность къ себѣ, обѣщаясь отказаться

 отъ

отъ всѣхъ сихъ заботъ, дабы наконецъ заниматься одною Ипархїею, коея грусти поставляетъ онъ самаго себя виновникомъ; потомъ вдругъ вспомнивъ, что его ждетъ Хлоя, летитъ, бросается на колесницу, и изчезаетъ, подобно молнїи.

Ипархїя, слышавшая все изъ того мѣста, гдѣ она укрывалась, сравнивала его съ Кратесомъ: „ Возможно ли, сказала она „съ печалїю, чтобъ столь низ„кая душа могла быть покрыта „столь любезнымъ тѣломъ? О „Кратесъ! развѣ то необходимо „нужно, чтобъ такое тѣло, какъ „твое, заключало столь высокую „душу! Естьли душевная красота „заставляетъ позабыть тѣлес„ное безобразїе, то какое серд„це возможетъ противиться

симъ

„симъ двумъ соединенымъ пре-
„имуществамъ?„

Она съ нетерпѣливостiю ждала послѣдующаго дня, коего заря застала ее въ одеждѣ Клеантовой въ убѣжищѣ Кратеса, котораго она нашла занятымъ въ разсаживанiи цвѣтовъ; благовонiе и блескъ, прiумноженный первыми солнечными лучами, присовокуплялъ прiятное чувствованiе къ тихости души мудраго, къ той чистой и трогательной тихости, которую простѣйтiя стяжанiя природы даютъ вкушать своимъ любителямъ, и въ коихъ фортуна отказываетъ своимъ рабамъ.

Кратесъ удивленный, видя Клеанта такъ рано пришедшаго. „

А!

—„ А! ты и здѣсь сказалъ, онъ
„ему, боги съ тобою! Я опасался,
„чтобъ ты не устрашился того,
„что я, можетъ быть, съ лиш-
„комъ строго описалъ тебѣ пре-
„мудрость; но представивъ те-
„бѣ сперва колебающагося учени-
„ка, борящагося съ препят-
„ствїями, противуполагаемыми
„ему собственными его слабо-
„стями, я хочу тебѣ впредь
„описать мудреца побѣдившимъ
„свои страсти, непокаряющим-
„ся тѣмъ мученїямъ, которыя
„отовсюду обезпокоиваютъ про-
„стыхъ смертныхъ, и взираю-
„щимъ съ безпристрастїемъ
„на всѣ тѣ ничтожности, ко-
„торыми они безпрестанно за-
„нимаются; наконецъ благопо-
„лучнымъ; потому что благо-
„получїе его зависитъ отъ са-
„маго его, и свободнымъ; поелику
онъ

,,онъ свободенъ какъ отъ оковъ, ,,такъ и нуждъ. Но сїе счастїе ,,подобно вершинѣ каменной го- ,,ры, которой не можно достичь, ,,какъ только чрезъ каменные ,,утесы, кои дѣлаютъ ее не- ,,приступною. Сїи камни суть ,,наши чувства; а вершина прему- ,,дрость, откуда, какъ съ тиха- ,,го и сїяющаго холма, видимъ ,,мы жестокїе вѣтры шумящїе ,,подъ нашими ногами. Большая ,,часть людей похищенныхъ въ ,,вихрѣ своихъ страстей, буду- ,,чи рабами какъ своихъ жела- ,,нїй, такъ и заблужденїй, почи- ,,таютъ себя иногда счастли- ,,выми; но, любезной Клеантъ, ,,примѣть ужасныя растоянїя ,,отъ ихъ мнимаго щастїя; по- ,,смотри на низкую пустоту ,,ихъ душъ. Естьли ты раз- ,,смотришь подробно сїе счастїе,

пока-

„покажется ли тебѣ оно чѣмъ „ни будь другимъ, а не безумїемъ, „котораго возобновленныя болѣзни крайнѣ объемлютъ душу, разслабляютъ и оставляютъ ее погруженную въ скорбное ничтожество? Сколь предпочтительна сему тишина сердца! Счастливое безпристрастїе полагающее ей основанїе, „дѣлаетъ надежнымъ благополучїе мудраго. Будучи освобожденъ ею отъ невольничества, „содержащаго всѣхъ людей въ оковахъ, простираетъ онъ на „себя самаго безпристрастный „и надежный взоръ, которой „руководитъ истинна, показываетъ ему обнаженными заблужденїе и безумїе, сѣдящїя на „престолѣ мїра.„

„Но что тебѣ сдѣлалось? „продолжалъ Кратесъ, примѣчая

„чая перемѣну въ лицѣ Клеан-
„товомъ, какое скоропостиж-
„ное волненїе колеблетъ тебя?
„Ты тихо вздыхаешь, и поту-
„пляешь глаза?„

Чувствительная Ипархїя не могла безъ волненїя внимать похваламъ безпристрастїю, произносимымъ чрезъ такого человѣка, которой торжествовалъ надъ своимъ равнодушїемъ. Кратесъ взираетъ совниманїемъ на молодаго своего ученика; новая для него выгода заставляетъ его простерть къ нему свои объятїя; онъ предлагаетъ ему мудрость и дружество въ защищенїе отъ его мученій; но напослѣдокъ усматриваетъ онъ роковую тайну, и подозрѣваетъ ученика своего въ томъ, что онъ не умѣлъ предохранить

нить сердце свое отъ любовныхъ сѣтей. „ Тщетно ты хра-
„нишь молчанїе, сказалъ онъ
„ему, я вижу, что смущаетъ
„тебя, и сожалѣю о тебѣ.
„Душа твоя искала въ прему-
„дрости защиты отъ твоего
„сердца; но я примѣчаю въ тебѣ
„невольника, мучащагося въ сво-
„ихъ оковахъ. Ты желалъ,
„чтобъ я научилъ тебя торже-
„ствовать надъ страстьми, но
„ты побѣжденъ сильнѣйшею изъ
„всѣхъ страстїю.„

Клеантъ молчалъ; живѣйшая краска покрывала его лице. Кратесъ негодовалъ, и тайное участїе, которое онъ сперьва ощутилъ, уступало грозному гласу философїи:„ ступай, бѣги, нера-
„зумной юноша, отнеси отъ
„меня далѣе твои слабости.
Под-

„Подвергнись въ рабство прихо-
„тямъ нашихъ Ѳивянокъ; сле-
„зы, нетерпѣливость, ревни-
„вость, сожалѣніе, сіи спут-
„ники твоего безумія, ожида-
„ютъ жертву свою, дабы за-
„класть ее при стопахъ мученія;
„ступай, наставленія мои не
„могутъ быть тебѣ впредь
„полезными.----„ Какое ужасное
„описаніе любви ты мнѣ пред-
„ставляешь, отвѣчалъ ему
„устрашенный и смятенный
„Клеантъ? Что? пріятнѣйшее
„чувствованіе нашей души раз-
„вѣ не можетъ соединиться съ
„мудростью, и развѣ нѣтъ ни
„одной женщины, которую бы
„мудрецъ могъ любить? Красо-
„та и невинность соединенная съ
„чувствительностію развѣ одно
„его презрѣніе заслуживаютъ?
„Развѣ природа, которой онъ

 ста-

„старается быть любителемъ,
„для того только вдохнула въ
„насъ сїю прїятную склонность,
„влекущую всѣ существа другъ
„къ другу, дабы погубить намъ
„другъ друга? Сїе чувствованїе,
„умягчающее свирѣпство тигра,
„развѣ въ одномъ мудрецѣ най-
„детъ непреклонность? Кратесъ!
„какимъ описываешь ты мудре-
„ца! Ливїйскїя чудовища не не-
„чувствительны, а ты одинъ...Бѣ-
„дный, неразумный юноша! пере-
„рвалъ Кратесъ, разумъ твой
„прельщенный твоими чувство-
„ванїями почитаетъ за истин-
„ну мечту. Но я смѣю разор-
„вать повязку, смотри на истин-
„ну безъ пристрастїя, ежели
„можешь. Что можетъ быть
„обманчивѣе сего безумїя, ко-
„торое ты по глупости своей
„называешь прїятнѣйшимъ ду-
шев-

„шевнымъ чувствованіемъ? Что
„можетъ быть непостояннѣе
„начала его, и извѣстнѣе по-
„слѣдующаго за нимъ отвраще-
„нія?----Сего отвращенія тогда
„только должно опасаться, ког-
„да душа, прельстившись одни-
„ми глазами, ни малаго не имѣ-
„етъ участія въ соединеніи съ
„сердцемъ.... А кто тебѣ бу-
„детъ за то отвѣтствовать,
„сказалъ Кратесъ, что та, ко-
„торая покоритъ твое сердце,
„будетъ такоежъ имѣть право
„надъ твоею душею, когда от-
„крывъ глаза, увидишь ты ее
„такою, какова она есть въ
„самой себѣ? Ибо тщетно ду-
„маешь ты, чтобъ любовь мог-
„ла быть основана на одномъ
„почтеніи; почтеніе не есть
„довольная пища для бога, по-
„велѣвающаго п желаніями.....

„Но самый разсудокъ, сказалъ „Клеантъ, пріуготовилъ пре„лесть; для чегожъ мнѣ недо„вѣрять моему сердцу? Мо„жетъ ли разсудокъ избавить „себя отъ тѣхъ сѣтей, отъ „которыхъ самъ онъ долженъ „защищать тебя, отвѣтство„валъ Кратесъ? Сколь ни ка„жется тебѣ склонность твоя „основанною на разсудкѣ. со„всѣмъ тѣмъ, ежели предметъ „любви твоей не походитъ на„ружностію на чудовище, то „малѣйшая прелесть его по„даетъ мнѣ право подозрѣвать „прилѣпляющее тебя къ сему „побужденіе; но я еще не все „описалъ тебѣ прихоти сердца---

„Нѣтъ, я люблю не чудови„ще, перервалъ Клеантъ; нѣтъ, „не пустая прихоть владычест„вуетъ надъ моимъ выборомъ;

точ-

„точное полученіе благополучія
„управляло имъ, а премудрость
„оправдываетъ его.„

Во время сего разговора Ипархія прилѣжно смотрѣла на Кратеса. Она искала въ глазахъ его той надежды, въ которой отказали ей его рѣчи.„ О Кра-
„тесъ! продолжала она съ боль-
„шимъ жаромъ. Какъ! Естьлибъ
„любви достойная дѣвица и болѣе
„еще чувствительная, одаренная
„всѣми похвальными качествами,
„нѣжно любила тебя, не ужъ ли
„жесточайшее пустынныхъ Тиг-
„ровъ сердце твое и тогда въ
„томъ поставитъ свое счастіе.
„дабы ихъ также преодолѣть
„нечувствительностію.----„ Ты
„предполагаешь вмѣсто женщи-
„ны феникса, съ скукою гово-
„рилъ Кратесъ.„----„ Нѣтъ. я

,,не мечтательное существо ,,предполагаю, отвѣтствовалъ ,,съ живостїю ложной Клеантъ, ,,я тебѣ описываю дѣйстви-,,тельный предметъ, любящїй ,,душу твою, сотворенный для ,,того, дабы еще умножить твое ,,благоденствїе, раздѣляя его съ ,,тобою.----,, Гдѣ найти?,, его, ,,вскричалъ, Кратесъ? При семъ нечаянномъ восклицанїи нѣжность Ипархїи почти едва не измѣнила ей, но робость отъ того удерживаетъ, и минута побѣды отъ нее удаляется. Кратесъ стыдящїйся нечаяннаго движенїя своего сердца, и вдругъ принявъ въ защиту философїю: ,,Ступай, бѣги отъ меня, вскри-,,чалъ онъ съ негодованїемъ, ,,вѣроломный прельститель, неси ,,далѣе отъ Кратеса ядъ свой. ,,Онъ попустилъ тебѣ видѣть ,,человѣка; узнай мудреца, прости.

Кра-

Кратесъ удаляется, Ипархія не имѣетъ силъ за нимъ слѣдовать. Но какъ скоро досада обладала ее сердцемъ, она больше въ Кратесѣ не видитъ, какъ только нечувственную дикость, не достойную ея нѣжности. Вскорѣ потомъ раздраженная препятствіями, извиняетъ его и почитаетъ его великимъ мудрецомъ, побѣдивъ коего, много доставитъ она славы своему полу. Обремененна будучи многочисленными противоборствующими мнѣніями, возвращается она въ городъ.

Вѣрная ея Миртилла, которая приписывала сіи тайныя отлучки одному желанію слушать философическія наставленія, скоро узнала изъ скучнаго вида госпожи своей, что другое силь-

нѣйшее побужденiе управляло шаги ея. Между тѣмъ Ипархiя не отказываетъ ей, и сiя несчастная тайна, умножая ея мученiя, вскорѣ прозвела болѣзнь, которая уменьшала блескъ ея прелестей. Миртилла, неоставлявшая ее никогда, наконецъ получила довѣренность ея въ такой страсти, которую слабый разсудокъ ея почиталъ за своенравную прихоть столь общую ея полу, для побѣжденiя коей потребно только противуположить другой предметъ. Она не могла понять, чтобъ дурной видъ философа, которой еще не любитъ, могъ противиться прекрасному человѣку. Она думала отвлечь отъ сего госпожу свою вспомоществуя намѣренiямъ Полемоновымъ. Но сей надежный способъ для множества женщинъ, имѣлъ про-

противодѣйствіе надъ Ипархіею; прекрасной человѣкъ казался ей самымъ глупымъ, и побѣда философа учинилась чрезъ то надежнѣйшею.

Между тѣмъ Кратесъ пришедши въ себя отъ гнѣва, и не видя болѣе Клеанта, начинаетъ обвинять себя въ излишней жестокости. Онъ соболѣзнуетъ о своемъ молодомъ другѣ; онъ мятется мыслями, не понимая того причины, и въ первой разъ премудрость отягчаетъ его сердце.

Миртилла, съ своей стороны, устрашенная упорностію госпожи своей, которой не могла она понять, объявляетъ Полемону, что у него есть соперникъ. Онъ удивляется, и сер-

дится. Мысль о соперничествѣ кажется ему несносною. Какой смертный могъ заступить его мѣсто? Конечно только лишь хотятъ испытать его сердце! Послѣ сего соглашается онъ думать, что вѣтренность его даетъ имъ право не довѣрять ему. — Но соперникъ? Должно быть ему или Аполлону, или Марсу. Миртилла объявила имя Кратеса; Полемонъ смѣется. Онъ летитъ къ Тиманту, дабы въ шуткахъ разказать ему о неслыханномъ своенравіи его дочери. Но Тимантъ его не слушаетъ. Окруженный въ сію самую минуту многочисленными рабами, пришедшими съ богатыхъ его полей для объявленія ему о приближеніи Филиппова сына, котораго армія близко подходила къ Беотійскимъ полямъ, старикъ

рикъ трепещетъ о потерѣ, грозящей всѣмъ его стяжанїямъ. (*) Полемонъ столь былъ вѣтренъ и тщеславъ, что не могши заняться опасностїю, которую презираетъ онъ въ отдаленности, не иначе отвѣтствуетъ на печаль Тимантову, какъ болтая о его дочери, о Кратесѣ, о великолѣпїи своей колесницы, и рѣзвости своихъ бѣгуновъ; потомъ съ геройскимъ видомъ летитъ къ Дафнѣ, къ Полидамїи, и къ многимъ другимъ красавицамъ, дабы обезопасить ихъ отъ ужаса осады. Од-

(*) Филиппъ Македонской Царь, побѣдивъ жителей Ѳивскихъ, оставилъ въ ихъ крѣпости гарнизонъ, которой они послѣ его отъѣзда побили. Александръ отмстилъ имъ чрезъ разоренїе Ѳивъ, гдѣ онъ пощадилъ только одинъ домъ славнаго Пиндара.

Однако нечаянный страхъ, разпространенный сельскими жителями по всей столицѣ, вскорѣ уничтожился: нѣкоторые гонцы изъ Александровой армiи причинили сiе безпокойство. Беотiйскiя границы были обезопасены, и по прошествiи нѣскольких дней народъ, которой ничего не видалъ, кромѣ настоящей опасности, наконецъ успокоился. Одни политики и богачи еще симъ занимались. Первые по причинѣ праздности, а другiе чрезъ дѣйствiе сребролюбiя, удобнаго всегда покоить. Одна Ипархiя была предана другимъ заботамъ. Пятнатцать дней протекло, какъ она не видалась съ Кратесомъ. Надежда, лъстивая сопутница любви, прекратила ее слабость, и возобновила ее нетерпѣнiе. Миртилла тщетно хо-

хочетъ удержать ее; она надѣваетъ Клеантово платье, уходитъ, находитъ опять Кратеса, и видитъ себя встрѣчаемую съ улыбкою.

Кратесъ, судившій по измѣнившемуся лицу своего ученика, что болѣзнь причинила его отсутствіе, проситъ его отдохнуть на дерновой лавкѣ. Онъ показывалъ ему простую, но здравую пищу, которую щедрая природа ему пріуготовляла. Потомъ показавъ ему свой заступъ и грабли, смотри, сказалъ онъ ему, вотъ надежныя предохраненія отъ слабостей тѣла и духа; подражай мнѣ, раздѣли со мною мое убѣжище и сладость самопроизвольной работы. Сладкая пища, сожалѣніе о всегдашнихъ забавахъ, и сѣти любви;

ви; вотъ тѣ враги, коихъ должен ты побѣдить.

Клеантъ ободренный прїемомъ превосходящимъ его надежду, не опасался завести разговоръ о предметѣ причинившемъ первую ихъ разлуку. Онъ еще начинаетъ защищать причину, производящую любовь; но не осмѣливается назвать ее, и скрываетъ ее подъ вымышленнымъ именемъ.,, Какая это премудрость, сказалъ онъ, которая ,,желаетъ уничтожить внушенныя природою чувствованїя!,,

,,Сїи чувствованїя достойны ,,уваженїя, отвѣтствовалъ Кратесъ, я ободряю ихъ. Ежели бы ,,философїя учила тому, о чемъ ,,ты теперь говоришь, то бы она ,,не что иное была, какъ учи-

,,лище

„лище неблагодарности и вар-
„варства. ---- Но думаешь ли ты,
„вопросилъ Клеантъ, ободрен-
„ный сими словами, чтобъ уни-
„чтоженіе сей пріятной склон-
„ности, влекущей одинъ полъ
„къ другому, не произвело тѣ
„же самыя дѣйствія? - - - - Ты
„опять косвеннымъ путемъ воз-
„вратился къ своему предложе-
„нію, отвѣтствовалъ Кратесъ
„съ улыбкою; и такъ знай, что
„я ничего не порицаю, кромѣ
„злоупотребленій, но изо всѣхъ
„чувствованій сердца любовь
„есть, по несчастію, такое чув-
„ствіе, которое болѣе всѣхъ об-
„ладаетъ имъ, и менѣе другихъ
„оставляетъ средствъ превзой-
„ти ихъ. Сіе чувствованіе тѣмъ
„опаснѣе, что оно также ослѣп-
„ляетъ всѣхъ, какъ слѣпотству-
„етъ и тотъ Богъ, который вла-
„дыче-

„дычествуетъ имъ. Стрѣлы сего „Бога, всегда находящагося въ „младенчествѣ, поражаютъ по „случаю, и ежели найдутся два „пронзенныя ими сердца любя„ щими другъ друга, то и сіе „есть дѣйствіе случая; ибо, ска„жи мнѣ, какъ я возмогу увѣ„риться, что предметъ, коего „закону мое сердце будетъ под„вергаться, не будетъ обре„мененъ игомъ? Кто мнѣ бу„детъ отвѣтствовать, что сей „предметъ не будетъ имѣть „природныхъ пороковъ сего по„ла? Я чрезъ то разумѣю лег„комысліе, прихоти, духъ обла„данія и множество другихъ. „Предразсудкиль, имѣющіе „прельстить меня, буду я имѣть „вмѣсто осторожности?---Развѣ „ты думаешь, перервалъ Кле„антъ, что женщины всѣ оди„наковы? Развѣ чудно найти

„хотя

,,хотя одну, коея чистосерде-
,,чїе и нѣжность могли бы соста-
,,вить мудрецу счастїе?---Столь
,,чудно, вскричалъ Кратесъ, что
,,я имѣю право рѣшительно ска-
,,зать, что между нѣсколькихъ
,,тысячь одна развѣ находится.
----Ахъ! какое жестокое пред-
,,разсужденїе, перервалъ Кле-
,,антъ, будь справедливѣе; нѣтъ,
,,полъ обладающїй нѣжностїю,
,,не можетъ быть такимъ, ка-
,,кимъ ты почитаешь его, и
,,не взирая на твой предразсудокъ,
,,я оное утверждаю; такъ, Кра-
,,тесъ, между женщинами есть
,,такая.... По крайней мѣрѣ одна,
,,имѣющая право надъ твоею до-
,,вѣренностїю и надъ твоимъ
,,сердцемъ и могущая искренно
,,любить тебя—Искренно? От-
,,вѣтствовалъ Кратесъ улыбаясь,
,,вѣрь мнѣ, легкомысленный и

„неразумный юноша, не много „найдешь женщинъ искренно любящихъ, и мы не должны слишкомъ полагаться, что красота очамъ нашимъ представляющаяся, содержитъ вмѣстѣ „и добродѣтели, могущія жизнь „нашу сдѣлать счастливою.

Правда, что человѣкъ, какъ дружелюбное и созданное для общества животное, имѣетъ необходимую нужду въ сообществѣ и помощи другихъ. Онъ скучаетъ самою счастливѣйшею жизнію, естьли не имѣетъ другаго существа, соединеннаго съ собою узами любви и дружества, съ коимъ бы могъ раздѣлять всѣ чувствія сладости и пріятства. Онъ безпрестанно къ сему стремится, и съ нетерпѣливостію ищетъ друга по сдѣланному въ

мы-

мысляхъ своихъ начертанїю. Когда же находитъ его, то съ коликою радостїю, съ какимъ неизреченнымъ чувствїемъ удовольствїя изливаетъ душу свою въ нѣдра друга своего! Открываетъ ему наисокровеннѣйшїе сгибы сердца своего, и ищетъ въ глазахъ его одобренїя или охужденїя онымъ. Взаимное душъ ихъ сходство, соединяя ихъ тѣснѣйшимъ образомъ, составляетъ верьхъ ихъ благополучїя; они тогда токмо почитаютъ себя несчастными, когда принуждены бываютъ другъ съ другомъ разлучиться. Сїе лестное дружбы описанїе подлинно никто въ точности выполнить, и тѣмъ самимъ жизнь нашу осчастливить не можетъ, какъ умная и добродѣтельная женщина, которая на тотъ единственно конецъ

нецЪ и произведена, чтобЪ быть человѣку вЪ трудахЪ его помощницею и отрадою.

Но что же изЪ сего выдетЪ, ежели предметЪ нашего выбора будетЪ какая нибудь глупая особа? Вмѣсто ожидаемой нами отЪ нея помощи, упорность, противорѣчїе и несогласїе будутЪ привлекать на насЪ безпрерывно одно лишь мученїе не только скучное, но еще вЪ тысячу разЪ несноснѣйшее. ВзявЪ за себя таковую супругу, думаемЪ мы прїобрѣсть прїятельницу; но вмѣсто утѣхи вЪ нашихЪ печаляхЪ, сїя мнимая наша подруга гораздо болѣе умножаетЪ ихЪ. Совѣты наши и жалобы вЪ семЪ случаѣ бываютЪ напрасны; она составляетЪ для себя право изЪ своихЪ

соб-

собственныхъ несправедливостей. Счастливъ тотъ, кого разумъ не возмутится отъ сихъ прелестей; сказали бы, что она опасается раздѣлять съ нами счастїе, и что жертва ея тишины ничего ей не стоитъ, ежели только отъ того уничтожается наше спокойствїе; сїе есть высокоумное существо, противящееся всегда нашимъ усиливанїямъ, коимъ всегда противорѣчитъ. Какое наказанїе! Естьли скучная покорность одного ослабляетъ щастїе, то упорность другаго уничтожаетъ оное, и человѣкъ попеременно вступаетъ въ новое состоянїе.

Но ты возразишь мнѣ, что удобно узнать два такїя существа, и что по сему мудрый легко можетъ отъ нихъ избавиться.

Не думай такъ; недостатки сего пола всегда принимаютъ на себя другіе виды въ ослѣпленныхъ глазахъ любовника; послушное невѣжество именуетъ онъ чистосердечіемъ, сладостію и невинностію; но упорное невѣжество тогда только является предъ нимъ въ собственномъ своемъ образѣ, когда совершенно покорится онъ сему игу. Ибо самая простая женщина столько имѣетъ способности, что никогда не покажетъ своихъ недостатковъ, могущихъ послужить средствомъ противъ ея прелестей. Да и самая собственная наша слабость, не позволяя намъ ничего видѣть въ постановленной намъ сѣти, кромѣ закрывающихъ ее цвѣтовъ, доставляетъ ей еще нѣкоторое прикрытіе. Но я примѣчаю, что сіе изображеніе

женіе обезпокоиваетъ тебя; изрядно, начнемъ съ противной стороны, и посмотримъ, не снабдитъ ли она насъ выгоднѣйшимъ для прекраснаго пола заключеніемъ.

Я буду говорить теперь о разумной женщинѣ. Но скажи мнѣ, любезной Клеантъ, не думаешь ли ты, что разумъ бываетъ безъ гордости, и естьли разумной, не взирая на всѣ его размышленія, не изключенъ изъ сего, то какъ тотъ, который мало размышляетъ отъ сего будетъ свободенъ? Ежели такая женщина будетъ предметомъ твоей любви, то она представитъ тебѣ оковы изъ розъ; пріятность и нѣжность будутъ самымъ меньшимъ ея пособіемъ; ты будешь видѣть въ ней одну

 лю-

любезную сопутницу; одно обладанїе ею можетъ совершить всѣ твои желанїя, составляя тебѣ счастїе. Но лишь только она съ тобой соединится, то скоро сдѣлается твоимъ учителемъ и судїею. Розовыя оковы твои перемѣнятся въ цѣпи самовластїя; ты въ ней ничего не найдешь, какъ только одного строгаго порицателя, которой, уступая тебѣ, будетъ налагать на тебя законы, и которой скоро заставитъ тебя соболѣзновать о таковой сопутницѣ.

Ты возразишь мнѣ, что я прехожу отъ одной крайности къ другой, и такъ будемъ держаться среднихъ качествъ. Между сими веселость и откровенная живость суть безъ сомнѣнїя наипрелестнѣйшїя; но могутъ ли онѣ

быть

быть безъ легкомыслія и вѣтренности? А легкомысленность можетъ ли быть безъ распутности, или по крайней мѣрѣ безъ ея вида, и такъ это всегда будетъ темною задачею! Естьли женщина кажущаяся свѣтскою не есть такова въ самомъ дѣлѣ, тогда тѣ, которыя кажутся менѣе такими, въ самомъ дѣлѣ бываютъ ими. Легкомысліе ихъ, скажешь ты, защищаетъ ихъ; не всегда, и оно не что иное будетъ, какъ только одно обоюдное доказательство ихъ добродѣтели. Совсѣмъ тѣмъ легкомысліе подвергаетъ ихъ искушенію, и естьли называютъ благоразумными тѣхъ женщинъ, которыя стараются избѣжать онаго, то какое имя дать тѣмъ, которыя побѣждаютъ его? Веселая женщина любитъ удовольствіе,

а удовольствіе, будучи пищею ея веселости, не можетъ сносить оковъ, и часто доводитъ ее до неблагоразумія. Несчастливъ тотъ бѣдной мужъ, которой будетъ ей противиться; насмѣшки будутъ его участію. Женщина по принужденію что нибудь дѣлающая почтетъ себя тѣмъ обиженною, и съ тѣхъ поръ она больше ни о чемъ не будетъ думать, какъ только объ отмщеніи; намѣренія ея сперва не будутъ, можетъ быть, преступными, но остаетсяль женщина навсегда при своихъ первыхъ намѣреніяхъ? Окружена безпрестанно льстецами ревностно старающимися раздѣлить съ нею ея веселость, какимъ побужденіямъ будетъ она слѣдовать? Мужъ то знаетъ, но опасается подозрѣвать.

Ты,

Ты, любезной мой Клеантъ, еще хочешь возразить мнѣ, что не весь женской полъ состоитъ изъ несмысленныхъ, притворныхъ и глупыхъ; я ето знаю, но я еще не совсѣмъ кончилъ мое описанíе. Перестанемъ говорить о глупой, и перейдемъ къ умной женщинѣ; такимъ именемъ называетъ любовникъ постоянную и скромную дѣвицу; но какъ можно увѣриться, чтобъ то, что почитаетъ за дѣйствія разума въ любовницѣ, не могло быть въ его женѣ молчаливостію или грубостію? Молчаливость ли одна непремѣнно бываетъ основанíемъ или глупости или лукавства, грубость ли? Несчастливъ бѣдной мужъ: Гименъ перемѣнилъ для него свой свѣтильникъ въ горящій факелъ Евменидъ; есть тысячи примѣ-

мѣровъ, что постоянная и скромная дѣвица дѣлается угрюмою и злобною женщиною; хотяжъ груба и притворна, для того со всѣмъ тѣмъ дѣлается несносною.

Когдажъ она по сложенїю своему груба, то или супругъ ея долженъ быть съ нею сходственъ, или долженъ будетъ воздыхать въ хладныхъ объятїяхъ безпристрастїя о прїятной мечтѣ любовника. Ежели же она груба изъ лицѣмерства; холодность ея только для него одного будетъ; и еще она потребуетъ, чтобъ онъ давалъ ей отчетъ въ ея ложной добродѣтели; словомъ, каждая грубая женщина ревнива, мстительна, горда и несносна. Ежели ревнива, то супругъ ея не посмѣетъ ни глядѣть, ни веселиться, все въ немъ будетъ

казаться ей подозрительнымъ. Ежели мстительна; какія опасныя слѣдствія! Къ сему не будетъ способна притворная ея ненависть? Это домашній непріятель, пріуготовляющій свои удары въ молчаніи и всегда удачливо поражающій. Ежели она горда, то думаетъ, что мужъ ея долженъ почитать за честь, что она его жена, и поставляетъ въ томъ честь свою, чтобъ во всемъ ему противиться; ежели она не снисходительна [отличное свойство отъ грубости, то думаетъ, что ея только нравы хороши, что она одна знаетъ обращеніе. Дружба и невинность, устрашенныя видомъ ея, убѣгаютъ дома твоего, которой учинился жилищемъ клеветы и страшнымъ обиталищемъ Алекты. Но сколь дорого-

рого заставляетъ она платить своего супруга за высокое мнѣнїе ея о своей добродѣтели! Свѣтская женщина не будетъ ли ей предпочтительнѣе?

Я знаю, что для избѣжанїя сихъ несчастныхъ случаевъ, стараются выбрать благородную супругу, которой богатство по крайней мѣрѣ можетъ быть вмѣсто награжденїя. Но развѣ любовникъ это только предполагаетъ себѣ? Ежели онъ воленъ въ своемъ выборѣ, то развѣ въ богатствѣ найдетъ благополучїе? Воспитанїе, которое такая особа получила, заставляетъ думать, что ея обхожденїе будетъ прїятно? Но обхожденїе супруговъ можетъ ли уподобиться свѣтскому? Приводитъ супружеское одногласїе

до

до крайности, и наконецъ дѣлается отвратительнымъ; а жена твоя, для всякаго другаго пріятная, оставляетъ свои пріятности, какъ маску, которую она отдаетъ тебѣ назадъ. Впрочемъ или она почтетъ за нужное не любить своего мужа, или его почтетъ за право покорить подъ иго, доставляемое ей супружествомъ. Ежели она богатѣе его, то во всемъ будетъ попрекать его, даже и въ томъ счастіи, котораго онъ не вкушаетъ. Богатство ея доставитъ ей право самовластія; она будетъ получать его ласки какъ такія вещи, за которыя она заплатила, и какъ Азіатцы принимаютъ ласки отъ своихъ невольницъ; однимъ словомъ, что бы онъ ни дѣлалъ, всегда будетъ порицать его неблагодарностію.

Но

Но скажешь ты: просвѣщенный человѣкъ, чтобъ избавиться столь постыднаго бремени, можетъ избрать себѣ супругу въ состоянiи удаленномъ отъ пороковъ большаго свѣта. Кажется, что непорочность нравовъ обѣщаетъ ему возвратить времена Астреины. Но по обнаженiи картины прелестей, прiуготовляемыхъ мечтою, все сiе благополучiе будетъ состоять въ обладанiи невѣжественнымъ существомъ, готовымъ получать всѣ безъ разбора впечатлѣнiя новаго мiра, куда оно преселится, не умѣя цѣнить ихъ. Симъ-то образомъ бѣдный супругъ, (ежели онъ это сдѣлаетъ), всегда найдетъ глупость умозрѣнiй любовника.

Будуль я тебя описывать притворство и наружность врожденную сему полу, коего природ-

родныя побужденія основаны на одномъ желаніи и нуждѣ нравиться? Скажи мнѣ, по какимъ знакамъ будемъ мы судить о искренности женщинъ, когда множество различныхъ прибытковъ обязываютъ ихъ безпрестанно быть притворными? Развѣ самое вѣтренности побужденіе не довольно имъ для того, чтобъ насъ прельщать? Онѣ изъ сего составляютъ для себя игру, въ которой слабость наша всегда вооружается съ ними на насъ. Посмотри также на врожденную имъ неблагодарность: ежели ихъ любятъ, то они употребляютъ во зло любовь сію: часто самая удобность получить побѣду, производитъ въ нихъ одно только лишь безпристрастіе. Ежели ихъ не любятъ, онѣ мстятъ за то: перестань на минуту имъ нра-

виться, онѢ вскорѢ позабудутъ тѢ многія лѢта, которыя ты провелъ для нихъ въ скукѢ и безпокойствѢ.

ДѢвица выходитъ за супруга или для богатства, или для самаго его. Въ первомъ случаѢ она не любитъ; она ищетъ богатства, состоянія и свободы. Во второмъ она будетъ думать, что супругъ ея подобенъ любовнику, и не приминетъ сдѢлать его отвѢтчикомъ своей собственной погрѢшности. Онъ удивившись перемѢнѢ явленія, не будетъ смотрѢть больше на супругу такими же глазами, какими смотрѢлъ на любовницу. ДѢйствительные недостатки вступаютъ на мѢсто обманчивыхъ прелестей, и отвращеніе всегда за ними послѢдуетъ. Самое пригожство перестаетъ быть пре-

прелестнымъ чрезъ привычку всегда видѣть одинъ предметъ Безпристрастїе, составляющее тишину свободнаго человѣка, бываетъ мученїемъ содержимаго въ оковахъ. И наконецъ посмотри на Юнону, (отъ злаго нрава коея самый властитель всѣхъ боговъ не могъ защититься) и на жену Епиметееву, (*) а отъ нее на супругу Сократову, (1) и ты увидишь, что Бо-

(*) Пандора. Юпитеръ назначилъ ее для Прометея; но сей не довѣряясь дарамъ такого бога, котораго онъ оскорбилъ, уступилъ Пандору брату своему Епиметею. Поступокъ не былъ братской.

(1) Ксантиппа славна чрезъ свою злость. Должно ли почитать ее вреднѣйшею изъ женщинъ? Важной запросъ, но какъ рѣшить его? Спроси всѣхъ мужей, каждой тебѣ будетъ отвѣчать, что это его.

(2)

Богиня начальствующая надъ браками, наизлѣйшая изъ всѣхъ богинь, (2) что отъ женщины не рѣдко проистекаютъ наши несчастія, и что мудрѣйшій изъ всѣхъ Грековъ избралъ женсчину, дабы научиться терпѣнію. Изъ сего разсмотри толпу Ксантиппъ и не малое число Сократовъ, и трепещи. . . . . (3)

Такимъ образомъ Кратесъ подвергалъ сердце Ипархіи суровѣй-

(2) Юнона. Павлинъ посвѣщенъ ей, значитъ тщетность женщинъ.

(3) Сіе простое мѣсто должно быть наполнено чрезъ противуположенія Ипархіи. Видно сочинитель не былъ въ силахъ сыскать въ своемъ холодномъ духѣ средствъ побѣдить разсужденія сего мудреца.

Примѣчаніе издателя.

вѣйшимъ искушенiямъ. Тщетно покушалась защищать свой полъ, душа мудреца подобна была каменной горѣ, отражающей слабыя стрѣлы противъ того, которой ихъ бросаетъ на нее.

Но Кратесово сердце не было отъ природы нечувствительно, но одна просвѣщенная и благоразумная недовѣрчивость останавляла ихъ движенiя, и не было еще времени Ипархiи открыться.

Разговоръ ихъ обратился потомъ къ опасности, которою приближенiе Александра угрожало Ѳивскимъ жителямъ. Кратесъ услышалъ сiе приключенiе съ чувствительностiю такого мудреца, которой, будучи безпристрастенъ для одного себя; не можетъ безъ стенанiя помыслить о сихъ несчастныхъ жертвахъ, коихъ Беллона закалаетъ тысячами въ удовлетворе-

нїе страстямъ одного честолюбиваго и сильнаго человѣка.

Что касается до него, то онъ ничѣмъ такимъ не владѣвши, что бы могло привлещи на себя алчность воиновъ, былъ безъ безпокойства; истинное стяжанїе мудреца есть одна душа.„ Смо„три, сказалъ онъ Клеанту, „указавъ ему на муравейникъ, „погляди на сихъ насѣкомыхъ, „ползающихъ подъ нашими нога„ми для слабой добычи, кото„рую мы едва можемъ видѣть; „сїе есть подобїе волненїя лю„дей, и образъ ихъ движенїй.„ Потомъ сорвавъ винную ягоду съ дерева, которое ихъ осѣняло. „Вѣришь ли ты, продолжалъ съ „улыбкою Кратесъ, естьли бы „Александръ и Ѳивскїе жители „умѣли довольствоваться такою „пищею, что бы они думали ны„нѣ другъ о другѣ?„

Онъ совѣтовалъ Клеанту раздѣлить съ нимъ тишину и безопасность своего уединенія; но уважая смущенія, вдыхаемыя въ него сыновнею нѣжностію при приближеніи сихъ смутныхъ временъ, оставилъ онъ его на свободѣ итти исполнять священныя должности природы.

Кратесъ, оставшись одинъ, вкушалъ пріятную веселость. Клеантово возвращеніе произвело сію перемѣну. Природное побужденіе возмущало его, и любовь нашла путь въ его сердце, чего онъ не могъ примѣтить.

Онъ началъ обыкновенный свой обѣдъ; карзина сдѣланная имъ самимъ изъ тростника, наполненная лѣсными плодами, и чашки изъ кокосовыхъ орѣховъ служили пріуготовленіемъ такого пира, которымъ апетитъ

удовлетворялся подъ защитою счастія и здравія.

Лишь только онъ сѣлъ на мягкой и свѣжей травѣ, покрывающей берега ручья, коего чистая вода прохлаждала его спасительною своею свѣжестію, предпочтительною прелестямъ Бахусова яда, какъ смѣшенный шумъ колесницъ привлекъ на себя его вниманіе. Онъ смотритъ вдаль; вихрь пыли поднимается на дорогѣ ведущей къ его убѣжищу. Онъ думаетъ, что это какая нибудь партія Македонцовъ.,, Естьли корысть ,,ведетъ ихъ сюда, сказалъ онъ ,,улыбаясь, то они будутъ очень ,,худо заплачены за свой трудъ.,, Между тѣмъ облакъ пыли изчезъ при приближеніи, и позволилъ ему увидѣть колесницу, которая,

рая, казалось, неслась на вѣтрахъ. Колесница наконецъ остановилась, сидѣвшїй на ней съ легкостїю выскакиваетъ изъ нее, и гордо приближается посреди толпы рабовъ.„ Не Александръ ли это или богъ Марсъ?„
„Фу, вскричалъ Кратесъ, это „не что иное, какъ щоголь, со„кровищи мои въ безопасности; „сїи существа не знаютъ цѣны „ихъ.„

И подлинно это былъ Полемонъ, которой, не могши воспротивиться желанїю узнать своего соперника, весьма обиженнымъ почелъ себя, увидѣвъ въ немъ дурнаго и горбатаго человѣка, которой подеревенски скорчившись сидѣлъ на землѣ, и столь далеко простиралъ свое равнодушїе, что не удостоилъ его и

взгляда. Полемонъ долго болталъ вздоръ, не получивъ въ отвѣтъ ни слова. Кратесъ наконецъ окончивъ свой обѣдъ, всталъ, оборотился, ушелъ, и заперся въ своей хижинѣ.

Полемонъ пришедши въ изумленіе. „ Какой ето медвѣдь, „вскричалъ онъ, ну, ужъ соперникъ! есть чего бояться! Потомъ обратясь къ одному изъ своихъ рабовъ. Отдай эти десять „талантовъ сему дикому, чтобы „онъ отошелъ и удалился въ „Скиѳскіе лѣса жить со звѣрьми, „которые съ нимъ сходствуютъ, но что бы онъ меня из„бавилъ соперничества, которое „заставитъ меня краснѣть предъ „глазами нашихъ Ѳивянъ. Ска„жи ему, что я уволяю его отъ „всѣхъ благодарностей, что бы „онъ

„онъ сїю минуту удалился. Вотъ „чего я отъ него требую.

Слуга идетъ къ хижинѣ, стучитъ, такъ стучитъ, что Кратесъ наконецъ скучившись стука, выглянулъ въ скважину, служившею ему вмѣсто окошка. Слуга наученной отъ господина, кинулъ ему десять талантовъ, которые Кратесъ назадъ ему выбросилъ, сказавъ: „невольникъ! отнеси сїе золото „своимъ товарищамъ или дуракамъ, и скажи своему господину, что я ни чѣмъ тѣмъ не „хочу владѣть, что дѣлаетъ „меня съ нимъ сходственнымъ.

Прогнѣванный Полемонъ хочетъ разоришь Киническую хижину, но Кратесъ ни мало не трогаясь совѣтуетъ ему, чтобъ

онъ

онъ обратилъ сїе великое дѣло противъ непрїятелей угрожающихъ отечеству.

Не теряй, сказалъ онъ ему, „драгоцѣннаго времяни въ „тщетныхъ угрозахъ, которыя „ничего, кромѣ постыднаго пре„зрѣнїя, доставить тебѣ не мо„гутъ; поди оставь сїю драго„цѣнную одежду, и сїи безпо„лезныя украшенїя и покройся „латами; возьми оружїя, нала„гаемыя на тебя честїю, и будь „по крайней мѣрѣ воинъ, есть„ли не можешь быть мудре„цомъ.

Полемонъ, пришедъ въ запальчивость, гнѣвался и ругалъ его. Кратесъ все сїе услыша, ушелъ, думая, что ругательство глупаго не должно обижать

жать мудраго, что крикЪ глупаго осла не столько силенЪ, чтобЪ привесть вЪ замѣшательство мудраго. ПолемонЪ не имѣя силЪ спорить сЪ Кратесомъ, возвратился назадЪ. Но конецЪ его грубости приближился. Лишь только онЪ имѣлЪ время запереться вЪ ѲивскихЪ стѣнахЪ, какЪ Македонцы атаковали ихЪ со всѣхЪ сторонЪ. Вскорѣ сїи великолѣпныя палаты, вЪ которыхЪ роскошь долгое время ругалась надЪ бѣдною природою человѣческою, учинились жертвою пламени и алчности воиновЪ, привлеченной ихЪ великолѣпїемЪ. Уже гордый ПолемонЪ, не могши повѣрить, чтобЪ АлександрЪ отважился напасть на него, испрашиваетЪ жизни при его стопахЪ, и простираетЪ неспособныя руки свои

кЪ

къ оковамъ, коихъ онѣ не умѣли освободиться.

Будучи равно смѣшанъ съ своими рабами, и доведенъ до познанія истинной своей силы, онъ находитъ себѣ нижшимъ предъ ними, поелику безсиліе его не могло снести равнаго жребія. Тщетно призываетъ онъ тлѣнныя свои богатства, они уже болѣе не въ его власти, и остается для него одна его глупость. „О Кратесъ, Кра„тесъ!„ вскричалъ онъ тогда.„

Между тѣмъ Кратесъ видитъ изъ нѣдра своего убѣжища огненные вихри, подымавшіяся на развалинахъ гордыхъ Ѳивъ. Печальное изображеніе тлѣнности вещей и ничтожества человѣческаго тщеславія! Воспоминаніе

о молодомъ своемъ ученикѣ возобновило его сожалѣнїе; онъ занимался однимъ имъ, какъ взоры его устремились на нѣсколькихъ воиновъ, которые къ нему скоро шли; онъ ожидаетъ ихъ съ покойствїемъ мудреца.,,
,,Не богатства ли Кратесовы
,,привлекаютъ васъ, сказалъ онъ
,,имъ? Вы ихъ видите вокругъ
,,себя. Сїя соломенная кровля и
,,сїи фиговыя дерева ихъ соста-
,,вляютъ. Естьли вы ихъ сего
,,дня отъ меня похитите, то
,,сїи руки и природа завтра ему
,,возвратятъ ихъ; естьли хо-
,,тите отнять жизнь мою, о
,,Македонцы! вы лишите меня
,,одного скоропреходящаго сна,
,,коимъ вы сами не наслаждае-
,,тесь съ безопасностїю.— Але-
,,ксандръ, отвѣчалъ ему началь-
,,никъ сихъ воиновъ, не съ тѣмъ
,,при-

,,пришелъ сюда, чтобъ имѣть
,,съ мудрыми войну. Онъ насъ
,,прислалъ, чтобъ тебя увѣрить
,,въ его къ тебѣ почтенiи, и те-
,,бя просить къ себѣ. Я съохо-
,,тою принимаю его почтенiе!,
,,отвѣчалъ Кратесъ; но дабы
,,удостоиться его, позволь мнѣ,
,,въ отдаленности жить отъ не-
,,го; наибольшая благосклонность,
,,которую Александръ можетъ
,,мнѣ сдѣлать, состоитъ въ
,,томъ, чтобъ онъ обо мнѣ не
,,мыслилъ.

Македонцы, не могши пере-
мѣнить Кратесова намѣренiя,
положили предъ нимъ сто та-
лантовъ, кои прислалъ ему Ари-
стотелевъ воспитанникъ, какъ
дань, признанную за долгъ ге-
роемъ, которую герой долженъ
дать мудрому. Но Кратесъ уда-
лив-

ливишись на нѣсколько шаговъ съ торопливостiю отъ нихъ, какъ бы отъ нечаянной опасности!,, Отнеси назадъ сiи вред-,,ныя богатства, съ которыми ,,я не знаю, что дѣлать, сказалъ ,,онъ имъ, потомъ показавъ имъ ,,остатки отъ своего обѣда; вы ,,ясно видите, что все Алексан-,,дрово золото мнѣ будетъ без-,,полезно (*) Лишь только Кра-

(*) Этотъ отвѣтъ Философа Ксенократа, которому Александръ прислалъ 50 талантовъ. Онъ тогда обѣдалъ, и сказалъ хладнокровно присланнымъ: вы можете судить по моему обѣду, что я ни въ чемъ не имѣю нужды. Равнымъ образомъ Александръ послалъ сто талантовъ къ Фокiону, котораго изъ всѣхъ Аѳинянъ называлъ онъ богатѣйшимъ. Фокiонъ велѣлъ ему сказать, что ежели онъ почитаетъ его такимъ

тесъ окончалъ сіи слова, какъ увидѣлъ бѣгущую къ себѣ женщину погруженную въ слезахъ, за которою гнались жестокіе воины; они

въ его бѣдности, то долженъ онъ оставить его бѣднымъ. Одинъ подарокъ Александровъ, сдѣланный Кратесу, заставилъ его для Кратеса возобновить Ѳины; но Философъ не безпокоился о томъ, говоря, что другой Александръ можетъ ихъ опять разорить. Сіе безпристрастіе не столько дѣлаетъ чести философіи, сколько поступокъ Аристотеля, которой напротивъ того просилъ своего ученика, (Александръ былъ ученикъ его), возобновить отечество его Стагиру, разоренное Филиппомъ, и учинился его законодателемъ. Вообще сказать, мудрецъ долженъ быть безпристрастенъ къ тому счастію, котораго онъ не имѣетъ, а не къ тому, которое онъ можетъ законно имѣть; по-

они, какъ скоро увидѣли чиновника своего государя, оставили свою добычу, Ипархїя вдругъ бѣжитъ, и бросается въ Кратесовы объятїя. Но какъ изобразить то, что почувствовалъ онъ, признавъ въ ней черты и голосъ Клеанта? Не мечта ли это? Какой предметъ для мудраго! Будетъ ли онъ ждать изъясненїя, которое уже наполнило его ужасомъ? будетъ ли онъ имѣть богатство своимъ помощникомъ? Душа его колебалась между сими двумя намѣренїями, какъ Тимантъ прибѣгаетъ по слѣдамъ своей дочери,

 об-

поелику оно заставило бы его сдѣлать сколько моральнаго, столько и физическаго добра; изъ сего заключаю я, что отказъ Ксенократовъ и фокїоновъ заключаетъ въ себѣ болѣе тщеславїя, нежели истиннаго безпристрастїя.

обвиняя Македонцевъ и боговъ: ,,Александръ меня разоряетъ, ,,вопіетъ онъ, а Кратесъ обезче-,,ствиваетъ.

Какъ скоро упреки сего несчастнаго отца дали Кратесу время исправиться, и проникнуть завѣсу устрашающей его тайны:,,' Македонцы, сказалъ онъ ,,Александровымъ посланникомъ, ,,я принимаю вашъ подарокъ; а ,,ты, Тимантъ, перестань жало-,,ваться на небо о твоемъ разо-,,реніи; вотъ твое золото, я ,,тебѣ его опять возвращаю, ,,отнеси скорѣе изъ сихъ мѣстъ ,,сей исполненный яда металлъ, и ,,возьми обратно дочь свою съ ,,нимъ; потомъ вопіетъ онъ: те-,,перь-то я свободенъ!,, (*) Тимантъ

(*) Многіе повѣствуютъ, будто Кратесъ бросилъ свои деньги въ море, дабы возмочь безъ препятствія воспо

мантъ падаетъ къ ногамъ благодѣтельнаго мудреца, коего дерзнулъ онъ оскорбить, и проливаетъ слезы благодарности; между тѣмъ какъ Кратесъ чудится удивленїю Македонцевъ и благодарности Ѳивянина за охотное оставленїе такой вещи, которая была ему безполезна, которую почиталъ гораздо опаснѣйшею, нежели нужною, трепещущая Ипархїя ищетъ своего приговора въ глазахъ его. Она бросилась въ объятїя своего

спользоваться всѣми прїятностями Киническаго недостатка, и будто тогда онъ съ восторгомъ вскричалъ: я свободенъ. Другїе же думаютъ, что онъ отдалъ ихъ одному Банкиру для сохраненїя, чтобъ нѣкогда отдать ихъ своимъ дѣтямъ, ежели они будутъ глупы; ибо думалъ онъ, что естьли они будутъ умны, то не будутъ знать, что съ ними дѣлать.

отца, которой желаетъ вручить ее объятіямъ своего благодѣтеля. Кратесъ приближается къ ней, и упрекаетъ ее въ обманѣ, сдѣланномъ въ видѣ Клеанта, но онъ видитъ ея слезы, непреодолимая прелесть останавливаетъ его; наконецъ принявъ видъ спокойствія, котораго не было больше въ его сердце:,, Посмотри, ,,сказалъ онъ Тимантовой доче,,ри, показавъ ей свою бѣдную ,,хижину, разсмотри то жилище, ,,для котораго хочешь ты остa,,вить чертоги своего отца; по,,смотри на сіи невкусные ого,,родные овощи, на сіи плоды и ,,воду сего ручья; вотъ пища, ,,которая замѣнитъ мѣсто тво-

„ихъ великолѣпныхъ пиршествъ.
„Естьли сіи низкіе предметы
„не устрашатъ тебя; посмотри
„далѣе, продолжалъ онъ, сбросивъ
„съ себя епанчу, и оборотившись
„къ ней горбомъ; вотъ тотъ
„супругъ, котораго ты хочешь
„получить.„

Вмѣсто отвѣта она летитъ въ Кратесовы объятія. Онъ смущается, ощущаетъ при приближеніи ея неизвѣстное ему волненіе. Нечаянный пламень разливается по его жиламъ; весь объятъ смущеніемъ. Онъ хочетъ сдѣлать послѣднее усиліе, дабы избѣжать сей опасности, но вмѣсто того вздыхаетъ, и

все его намѣренiе исчезаетъ въ пламенныхъ объятiяхъ его любовницы. Онъ принимаетъ отъ нея лобзанiя, и взаимно возвращаетъ ихъ.......... И человѣкъ восторжествовалъ надъ мудрецомъ.

КОНЕЦЪ.

